

“МЕДАЛИ, КОТОРЫМИ НЕЛЬЗЯ ГОРДИТЬСЯ...”: ПАМЯТЬ О КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В.А. Танайлова

Валентина Александровна Танайлова | <http://orcid.org/0000-0002-2872-8461> |
v.tanaylova@iea.ras.ru | исследователь-стажер | Институт этнологии и антропологии РАН
(Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

Кавказская война, память о Кавказской войне, инструментализация памяти, травматическая память, память в социальных сетях, радикализация

Аннотация

В статье рассматривается память о Кавказской войне в пространстве социальных сетей (ВКонтакте, Telegram и др.) и возможности ее использования в качестве символического ресурса в процессе радикализации местных кавказских обществ. Суммарно количество подписчиков исследованных сообществ, каналов и страниц около 300 тыс. человек. Концептуальной основой работы выступает реляционный подход к понятию радикализации. Кроме того, автор рассматривает память, как один из символических ресурсов, определяющих процесс радикализации того или иного сообщества, и ссылается на таких исследователей, как Л.-Э. Сидерман, Дж. Гудвин, М. Сейджман. В работе исследуется не просто память о Кавказской войне, представленная в поле социальных сетей, а несколько национальных образов Кавказской войны, которые в этом поле сформировались.

Информация о финансовой поддержке

Статья публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

В этой работе я ставлю перед собой задачу проанализировать память о Кавказской войне в пространстве социальных сетей и возможности ее использования в качестве символического ресурса в процессе радикализации местных кавказских обществ. Рассматриваются материалы, собранные преимущественно на онлайн-платформах ВКонтакте, Telegram и др. Источниками информации стали сообщества, посвященные истории Кавказского региона и его культуре, в том числе группы, специализирующиеся на новостном формате, и несколько личных страниц со значительным количеством подписчиков¹. Суммарная аудитория исследованных мной ресурсов составляет около 300 тыс. человек. В ходе работы были отобраны те сообщества, которые отображались

Статья поступила 15.09.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 25.11.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Танайлова В.А. “Медали, которыми нельзя гордиться...”: память о Кавказской войне в социальных сетях // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 1. С. 67–83. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010050> EDN PMKYIK

Tanaylova, V.A. 2023. “Medali, kotorymi nel’zia gordit’sia...”: pamiat’ o Kavkazskoi voine v sotsial’nykh setiakh [The “Medals not to be Proud of...”: Memory of the Caucasian War in Social Media]. *Etнографическое обозрение* 1: 67–83. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010050> EDN PMKYIK

в результатах поиска внутри социальных сетей по запросу “Кавказская война” и имели более 20 тыс. подписчиков, наиболее активные из которых в абсолютном большинстве случаев репрезентовали себя как представителей различных народов Северного Кавказа. Во многих группах посты предлагаются самими подписчиками, затем отбираются и редактируются администраторами, после чего размещаются на стене. Что касается анализируемых в данной работе сюжетов, то они полностью соответствуют существующим в нецифровом мемориальном пространстве Северного Кавказа, что подтверждается моими полевыми материалами и исследованиями моих коллег.

В статье не рассматриваются официальная историография Кавказской войны и политика памяти в разных республиках Северного Кавказа – это темы отдельных исследований. Меня интересуют те публикации в социальных сетях, которые создаются акторами, не являющимися учеными или политиками. В основе многих постов лежат отрывки из исторических трудов или источников, но отбираются они и интерпретируются вне пространства профессиональной истории. Политика памяти также остается за рамками этой работы, поскольку меня интересует в первую очередь то, как память “проживается” обществом, а не то, как она формируется с помощью официальных инструментов. Я не анализирую правительственные страницы, публикации политиков, государственные коммеморации и т.п. Хотя, несомненно, политика памяти является чрезвычайно важной смежной темой. О.Ю. Малинова утверждает:

Переоценка коллективного прошлого с учетом изменившегося контекста – в первую очередь задача профессиональных историков. Однако и политики выполняют свою часть работы: они не только апеллируют к прошлому, участвуя в его интерпретации, но и имеют возможность формировать “инфраструктуру” коллективной памяти. К примеру, регулировать содержание школьных программ и учебников, вносить изменения в календарь праздников и памятных дат, учреждать государственную символику и награды, регламентировать официальные ритуалы и проч. (Малинова 2015: 8).

Очевидно, что те подписчики и администраторы сообществ в соцсетях, которые участвуют в создании цифровых коммемораций, их воспроизведении, трансформации и т.д., не могут находиться за пределами влияния политики памяти в различных ее проявлениях.

Рассматривая социальные сети как исследовательскую область цифровой антропологии, я соглашусь с подходом И. Утехина, который говорит, что “фундаментально методы в области цифровой антропологии не отличаются от традиционных качественных этнографических исследований. Все те качественные методы, которые касаются включённого наблюдения с разными степенями и формами включённости, всё это остаётся релевантным” (Утехин б.г.). Однако тут возникает вопрос: в какой момент пространство социальных сетей становится полем, а когда мы работаем с ним как с архивом. “На уровне повседневного использования под входением в поле и в социологии, и в антропологии обычно понимается не просто факт физического проникновения на определенную территорию, а установление контакта с кем-либо из информантов” (Козловская б.г.). Это утверждение верно и для цифровой антропологии. Однако на текущей стадии моего исследования социальные сети все же чаще выступали для меня в качестве архива. И, как и при работе с любым другим архивом, необходимо понимать, что цифровой его аналог по целому ряду причин не отображает в полной мере состояние общества здесь и сейчас. Аудитория соцсетей имеет свои особые характеристики – возрастные, социальные и проч. Конеч-

но, их необходимо учитывать в ходе анализа. Тем не менее то, что является для исследователя полем или архивом, в современном мире для пользователя становится важнейшим коммуникационным пространством, которое оказывает огромное влияние на общество и развивающиеся в нем процессы (Pentland 2014; Haidt, Rose-Stockwell 2019; Почецов 2018, 2019, 2020).

Радикализация

В качестве концептуальной основы я возьму определение радикализации, которое дает в одной из работ Д. делла Порта: “Радикализация – это эскалация действий от ненасильственного их репертуара ко все более жестким акциям насильственного характера. Радикализация осуществляется путем сложного набора взаимодействий, которые разворачиваются с течением времени” (della Porta 2018: 462). То есть радикализация – это процесс, являющийся результатом взаимоотношений отдельных лиц, групп и институциональных субъектов. Я соглашусь с мнением Д. делла Порта о том, что методология изучения радикализации требует междисциплинарного подхода к анализу насилия/конфликта на всех уровнях и во всех областях взаимодействия, в том числе в области символического. Классические исследования процесса радикализации обычно проходят на двух уровнях. На макроуровне (исследования терроризма, политология) речь идет о политических процессах, структурных изменениях, культурных особенностях сообществ (Ibid.). На микроуровне (социальная психология) обычно рассматриваются индивидуальные уязвимость и недовольство, психопатические особенности личности и т.д. Реляционная же перспектива выступает альтернативой традиционным подходам.

Существует несколько важных факторов, определяющих процесс радикализации тех или иных сообществ: политические возможности, организационные ресурсы и ресурсы символические, причем к последним следует отнести социальную память (Sageman 2004, 2008; Wiktorowicz 2004; McCauley, Moskalenko 2008; Hegghammer 2006). Как замечает Дж. Гудвин, коллективные травмы и обиды сами по себе могут стать толчком к началу процесса радикализации сообществ (Goodwin 2004). В этом смысле память о Кавказской войне может быть избранной травмой. Эта память в связке с памятью о других травматических исторических событиях в разных республиках Кавказа может способствовать формированию сильного контекста для радикализации отдельных групп. Согласно предложенной В. Волканом концепции избранной травмы (*chosen trauma*), травмированное сообщество может иметь особый менталитет, при котором в основе идентичности лежит память о трагедии:

Некое событие заставляет большую группу людей почувствовать себя беспомощной жертвой другой группы, испытать унижение от обиды или причиненного вреда. Травмированная таким образом группа избирает путь психологизации и мифологизации “рокового” для нее события. Она как бы встраивает его образ в самую основу своей идентичности, и сопутствовавшие ему чувства боли и позора передаются в нации от поколения к поколению в качестве маркера ее этнической идентичности. И с того момента, как реальная травма трансформировалась в “избранную травму”, подлинные исторические факты перестают играть какую-либо роль. Сохраняет значение лишь их психологическое преломление в качестве центрального стержня чувства этнической общности (Волкан, Оболонский 1992: 41).

Схожие идеи развивает и Дж. Александер в работе, посвященной понятию культурной травмы (Александер 2012).

Рассуждая о теракте, который произошел 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, Ю. Зинченко, Г. Солдатова и Л. Шайгерова пишут о том, что после тех событий перед всем миром встала дилемма:

Люди задумались: какой выбор сделать – в пользу толерантности к отличающимся “другим” или в пользу безопасности “своих”. Этот момент стал поворотным в истории и политике, по крайней мере, одной страны. По мнению аналитиков, он привел к обострению длительного противостояния между двумя фундаментальными демократическими ценностями американского общества: обеспечением безопасности и защитой гражданских свобод (Зинченко и др. 2011: 98).

Идея противоречия между безопасностью и гражданскими свободами применима не только к американскому, но и к российскому обществу. Это выбор между правом “других” на свою историю и свою память и правом “своих” на безопасность. Демократизация пространства памяти является неотъемлемой частью демократизации как общеполитического процесса внутри государства. Однако между правом на “самость” и правом на безопасность очень тонкая грань, поскольку “самость” строится в том числе и на памяти о событиях травматичных, связанных с каким-то конфликтом, что наделяет их потенциалом для формирования внутри этой памяти нарративов, способных поддержать новые конфликты. Конечно, право на свою историю, даже полную противоречий, не всегда означает радикализацию, тем более какие-либо насильственные действия. Каждый случай, каждый конфликт, каждая память уникальны. Нужно суметь понять, прочувствовать все острые углы, не прибегая к чрезмерным обобщениям и упрощениям. В одной из работ С. Каливаса рассматривается упомянутая выше дилемма безопасности, автор указывает на то, что она сама по себе способна спровоцировать конфликт, поскольку желание предотвратить насилие порождает насилие в форме превентивных мер (Kalyvas 2006). Наиболее значимым фактором, влияющим на ход развития событий в ходе мобилизации сообщества, могут оказаться действия, которые предпринимает государство. Именно от них в ключевой момент зависит, будет ли запущен процесс радикализации определенной части общества и будут ли открыты возможности для возникновения конфликта. Чем жестче действия репрессивного характера со стороны государства, тем острее ответная реакция радикализирующегося сообщества (Cederman et al. 2013). Мнение, что радикализация всегда приводит к терроризму и экстремизму, – это заблуждение. Однако радикализм (как часть культурно-исторического контекста) можно рассматривать в качестве одного из возможных источников вовлечения в террористическую активность.

Не все радикалы становятся террористами, но многие террористы начинали свою деятельность с радикализма. Приоритетной задачей здесь является выявление психологических условий трансформации радикальных политических движений в экстремистские. Радикализм обычно связан с идеями и представлениями о необходимости кардинального и решительного переустройства существующих социально-политических отношений в обществе. Радикализм предполагает отрицание существующей структуры общественных отношений и выдвижение новой – альтернативной, которая рассматривается как единственно возможная и правильная в сложившейся несправедливой и неприемлемой социально-политической действительности (Зинченко и др. 2011: 102).

Очевидно, что радикализм и экстремизм – это два разных явления. Но существует разброс мнений относительно того, как они соотносятся друг с другом. Широкое распространение получило представление о том, что они проявляют-

ся в разных сферах: радикализм – в сфере идей, экстремизм – в сфере действий. Однако мне это представление не кажется верным. Экстремизм, несомненно, может включать в себя и радикальную деятельность. По мнению политолога М.К. Арчакова, “четким критерием, разграничивающим политический радикализм и политический экстремизм, является применение экстремистами нелегитимного противоправного насилия” (Арчаков 2016: 50–51).

Память: уточнение понятий

В одной из своих работ П. Хаттон писал: “Когда я начал заниматься памятью, я обнаружил, что эта тема была квинтэссенцией междисциплинарных интересов. Это была тема для всех, однако ни у кого не было на эту тему преимущественного права” (Хаттон 2004: 9). Исследования памяти – это поле, в котором сходятся научные поиски психологов, философов, социологов, социальных антропологов, политологов, литературоведов, историков и т.д. – среди них много громких имен: М. Хальбвакс, М. Фуко, П. Нора, П. Хаттон, Я. Ассман и А. Ассман и др. Местоположение темы памяти на стыке наук и значительное количество несхожих между собой подходов породили, соответственно, обилие концепций, теорий, взглядов. Разными исследователями давались разные определения памяти коллективной, памяти исторической, памяти социальной и памяти культурной. По словам историка Л.П. Репиной,

[п]онятие “историческая память”, как и концепт “коллективная память”, не только у разных авторов, но и у одного и того же автора в разновременных публикациях и иногда даже в одной и той же работе может употребляться в значении “общий опыт, пережитый людьми совместно” (речь может идти и о памяти поколений), и более широко – как групповая память. “Историческая память” понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность дон научных, научных, квазинаучных и вне научных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом (Репина 2005: 131).

С определением социальной памяти как памяти общества можно, однако, поспорить. Ряд исследователей утверждает, что социальная память (также как и историческая память, по Л.П. Репиной) вполне вписывается и в историческое сознание социальной группы. Российский археолог, этнограф и антрополог В.А. Шнирельман определяет социальную память следующим образом:

Проблематика социальной памяти много шире, чем историография. Историография говорит о движении научной мысли, а социальная память – о том, что, как и почему общество помнит. Или, напротив, о чем оно не хочет помнить и что всячески стремится забыть (феномен амнезии). Источники изучения социальной памяти необычайно многообразны. Отчасти это исторические труды, но также школьные учебники, музеи, топонимика, памятники и памятные места, художественные произведения, кинофильмы, ритуалы, праздники, юбилеи исторических личностей, городов, республик, а также версии прошлого, которые даются СМИ (Шнирельман 2018: 12).

А французский историк-медиевист Б. Гене пишет:

Социальная группа, политическое общество, цивилизация определяются прежде всего их памятью, то есть их историей, но не той историей, которая была у них в действительности, а той, которую сотворили им историки... Меня интересует историк, но еще больше его читатели; исторический труд, но еще больше его успех; история, но еще больше историческая культура (Гене 2002: 19).

Опираясь на то, что “создали историки”, память о прошлом в социальных сетях продолжает свой бесконечный путь трансформаций, поскольку оказывается в том числе и плодом неограниченного во времени и пространстве коллективного действия. Сама структура социальной сети обуславливает то, что вся совокупность высказываний может стать частью новой памяти.

В принципе, можно рассматривать социальную память как некое выражение коллективного опыта: социальная память идентифицирует группу, дает ей чувство прошлого и определяет ее устремления на будущее. Осуществляя это, социальная память часто опирается на какие-то события прошлого. История той или иной общности людей, как разделяемая ее членами версия коллективного прошлого, является основой групповой идентичности (Репина 2005: 144).

Следует иметь в виду, однако, что память – лишь одна из основ групповой идентичности, но существуют и другие.

В кавказских обществах Кавказская война оказывается важным событием, о котором знают и помнят. Другое дело, *что* именно о ней знают, *как* расставляют акценты, *что* “помнят”, а что конструируют заново, отчасти исходя из современных реалий. В попытках ответить на эти вопросы мной была не просто частично исследована память о Кавказской войне, представленная в поле социальных сетей, а проанализированы несколько национальных образов Кавказской войны, которые в этом поле сформировались, интерпретация этих образов, их социальный и политический смыслы. Каждый такой образ служит одним из многочисленных элементов построения соответствующий групповой идентичности, которая, в свою очередь, определяет оппозицию “свой–чужой”, где в качестве чужого может выступать как любое другое соседнее кавказское сообщество, так и “русские завоеватели”. В этих образах очень многое разнится: датировки, главные события, герои и предатели. Я выделяю ключевые моменты дискурса о Кавказской войне в социальных сетях, вокруг которых идут самые острые прения и которые сопровождаются высказываниями радикального характера.

Роль Российской империи в Кавказской войне

Начну с того, что вызывает менее всего споров, но оказывается темой, которая, с точки зрения подписчиков соцсетей, проводит очевидный рубеж между Кавказом и Россией. Речь идет о месте Российской империи в Кавказской войне. Тут все однозначно: Российская империя – “захватчик, оккупант и тиран”. Современная Россия является наследником имперских амбиций и идеалов и, по сути, продолжает политику притеснения кавказских народов: “История повторяется... генерал-губернаторы были при царях, вот и снова и царь и генерал-губернаторы... опять карательные экспедиции, так же сжигание аулов, только теперь домов” (Online: Северный Кавказ). Надо заметить, что среди вступающих в полемику, тех, кто говорит от лица русских, крайне мало, поэтому какие-либо споры по этому вопросу возникают редко. Основными сюжетами, вызывающими активные отклики подписчиков, оказываются те, что связаны с деятельностью генералов А.П. Ермолова и Г.Х. Засса (*Шнирельман* 2006). Последний более всего известен в социальных сетях тем, что отрубал адыгам головы и насаживал их на копыя, а также рассылал отрубленные головы в различные музеи России и Европы. В целом отношение к завоевателям Кавказа выражает такой комментарий одного из подписчиков: «“Дикие” кавказцы, которым эти генералы несли свою “культуру” никогда не позволяли себе ни глумления над павшим

противником, ни надругательства над женщинами. Так кто же тут “полудикари” и “варвары”? Какую культуру принесли эти нелюди, “благородные” русские генералы?» (ВКонтакте: Черкесский ренессанс).

Высказываний относительно русского народа в целом – немного, откровенно оскорбительных еще меньше. Отчасти это вызвано тем, что записи оскорбительного и тем более националистического характера удаляются. Более того, употребление нецензурных выражений часто встречают неодобрение у других подписчиков из числа самих же кавказцев. Они считают, что это выставляет их в невыгодном свете, демонстрируя низкую культуру. Однако это не мешает активно оставлять комментарии типа: “Давайте дальше любить тот народ [русских], который пытался нас когда-то уничтожить... Обращаюсь ко всем кавказцам поймите вы все русские нам враги, а не друзья...” (ВКонтакте: История Кавказа). Иногда на подобные высказывания подписчики отвечают, что Кавказ завоевывала “российская власть” и русский народ не имеет к этому никакого отношения. Таким образом, происходит некоторое различие между “российской властью” и “русским народом”.

Бурную реакцию вызывают посты о представителях кавказских народов, которые служили в армии Российской империи, и об их наградах. Так, одно из сообщений, размещенных в ленте группы, было посвящено наградам Российской империи времен Кавказской войны и озаглавлено “Медали, пропитанные кровью, медали, которыми нельзя гордиться...”. Кавказцы, служившие Российской империи, называются предателями, запятнавшими честь своего народа. Интересно заметить, что тема служения Русскому государству часто перетекает в обсуждения в русло современных событий, и тут больше всего осуждения изливается на осетин и чеченцев: “Так ты осетин, ну все с тобой ясно... Там же в Осетии русских любят больше, чем своих” (ВКонтакте: История Кавказа), “А Осетия, тем временем была и остается форпостом России” (Там же), “Ты добровольный раб Кадырова, а значит раб российской власти” (ВКонтакте: Inforce). Пост об Арцу Чермоеве, чеченце, воевавшим на стороне Российской империи и удостоенном высочайшим указом императора титула князя, вызвал такую реакцию: “Что может быть хуже для народа, чем такой человек?” Пост собрал более 200 комментариев с негативной оценкой деятельности Чермоева.

Итак, в соцсетях в поле обсуждения Кавказской войны место и характер участия в ней Российской империи – это, пожалуй, основной момент, который практически не вызывает разногласий у представителей разных кавказских обществ. Но этот дискурс выходит далеко за рамки социальных сетей. Локальные авторы, которые пишут о Кавказской войне в рамках деколониального подхода и стремятся выразить мнение и представить культуру своего народа, оспаривают в своих работах имперскую риторику о России на Северном Кавказе как о государстве, несущем культурное и политическое развитие. В своей работе «Битва за Чечню. “Война историографий” или информационная война» Я.З. Ахмадов и Д.Б. Абдурахманов вступают в полемику со многими российскими исследователями Кавказской войны (с такими авторами, как М.М. Блиев, В.Б. Виноградов, Ю.Ю. Клычников и другие). В частности, авторы “Битвы за Чечню...” осуждают М.М. Блиева за то, что тот ставит под сомнение “выводы о колониальной природе политики России на Кавказе и освободительном характере движения горцев” (Абдурахманов, Ахмадов 2015: 24). Резкой критике подвергается и утверждение М.М. Блиева о том, что «“оплоту цивилизации” – Российской империи, пришлось оказать ожесточенное сопротивление натиску стадильно отсталых горских варваров» (Там же).

Что касается участия горцев в военных действиях на стороне имперской армии, то этой теме посвящена работа А.Т. Урушадзе “Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель” (Урушадзе 2020а). Это исследование показывает, что, несмотря на известные случаи обретения отдельными кавказцами высокого положения и престижа благодаря военной службе в Российской империи, зачастую горец терял свой статус и авторитет у своего народа, а порой ему и вовсе объявлялся бойкот. И до сих пор эти люди могут восприниматься предателями, не имеющими чести.

Дискуссии об участии в войне отдельных народов Северного Кавказа

Разные исследователи по-разному датируют Кавказскую войну, но если мы обратимся к энциклопедическим статьям, то, скорее всего, увидим период 1817–1864 гг. В соцсетях же дело обстоит несколько иначе. Для аварцев Кавказская война – это война Северо-Кавказского имамата с Российской империей. Они не отрицают участия других кавказских народов, но считают, что все, что было до и после существования имамата, – это отдельные столкновения, но не полноценные военные действия: “Аварцы последние были в Кавказской войне, кто до конца сражался, когда Имама Шамиля взяли, тогда только объявили о завершении войны русские. Аварцы начали эту войну и закончили ее...” (ВКонтакте: Кавказ Факты). Кумыки придерживаются собственной датировки: “Пожалуй ни один кавказский народ не воевал с русскими дольше, чем кумыки, с 1560 по 1877 год” (ВКонтакте: История Кавказа). Ситуация в Дагестане вообще оказывается достаточно специфической в силу большого разнообразия этносов, представленных в республике. Тесное соседство и сложная история взаимоотношений способствуют усилению конкуренции не только за политические и экономические ресурсы, но и за “славное военное прошлое”.

Черкесы раздвигают временные границы войны до 101 года. Для них Кавказская война и Русско-Черкесская война – синонимы: “101 год воевали Адыги, несмотря на численное превосходство Российской империи” (ВКонтакте: Черкесский ренессанс). В одной из групп был размещен предложенный подписчиком-черкесом пост “Как называется война: Кавказская, русско-кавказская или русско-черкесская?” Вот выдержка из этого поста: “В российской истории Кавказской войной называется война, которую Россия вела на Кавказе в 19 веке. Удивительно, что временной интервал этой войны исчисляется с 1817 по 1864 год. Странным образом куда-то исчезли с 1763 по 1817 годы. За это время была в основном покорена восточная часть Черкесии” (ВКонтакте: История Кавказа). Вот так описывает коммеморативные мероприятия в Нальчике А.Т. Урушадзе:

После траурного митинга звучит музыка старинных адыгских песен, а завершается День памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения – зажжением 101 свечи, каждая из которых символизирует год военного времени с 1763-й по 1864-й. Именно такая датировка Кавказской войны закреплена на постаменте “Древа жизни”. Она противоречит хронологии, устоявшейся в советской науке и зафиксированной в современном историко-культурном стандарте, – 1817–1864 гг. (Урушадзе 2020б: 250).

Что касается чеченцев, то они причисляют к Кавказской войне не только более поздние по времени восстания в Чечне, но и – как логическое продолжение – две чеченские войны XX в.: “Ваш Шамиль сдался в плен, а чеченцы продолжили войну вплоть до 20-го века” (Online: ChechenCenter). Во время своей

полевой работы с чеченскими респондентами я записывала истории, в которых события времен Кавказской войны, депортации, первой и второй чеченских войн увязываются в один нарратив, согласно которому на протяжении вот уже 350–400 лет российское государство предпринимает попытки уничтожить чеченский народ. Эти попытки, по словам моих респондентов, предпринимались примерно каждые 50 лет. И дело не в том, совпадает ли эта временная шкала с реальными историческими событиями, а в том, что такой нарратив в принципе существует и Кавказская война является его неотъемлемой частью.

Если говорить о постах, посвященных сражениям Кавказской войны, то авторы чаще всего описывают отдельные, достаточно известные битвы: штурм Ахульго, взятие Гергебиля и Гуниба, Ичкеринское и Салтинское сражения. Есть и боевые события, о которых пишут и знают в основном представители какого-то одного народа. Так, множество черкесов отметились комментариями под постом о Кайтукинском сражении 1779 г. Представители других народов относятся с недоверием к таким сообщениям и часто называют их сказками. Но и взгляды на общеизвестные военные кампании времен Кавказской войны сильно разнятся. Например, пост “Даргинские воины в количестве 400 человек стали мучениками в битве при осаде крепости Ахульго” сопровождается ответным комментарием: “Это все сказки и никаких даргинцев в Ахульго не было!”

Ахульго вообще оказался для Дагестана важным символом. В 2017 г. в Унцукульском районе открылся мемориально-исторический комплекс “Ахульго”, инициатором строительства которого стал Р.Г. Абдулатипов, глава Дагестана. Начиная с 2013 г. в республике активно продвигались фильмы, книги и другие материалы, посвященные Кавказской войне. Много внимания уделялось “подвигу защитников осажденного Ахульго во главе с Имамом Шамилем”, который позиционировался и позиционируется в Дагестане как государственный, духовный и военный лидер, сумевший объединить разные народы Кавказа. В 2016 г. в республике отмечалось 145-летие со дня смерти Шамиля, тогда же началось строительство историко-мемориального комплекса “Ахульго”, еще на подготовительном этапе которого высказывалось мнение, что это не исторический, а идеологический проект и именно поэтому в его создании так активно участвует глава Республики Дагестан.

Образы героев

Чрезвычайно острой и спорной темой оказываются герои Кавказской войны. Во многих группах был выложен один и тот же список самых заметных ее участников. Озаглавлен он так: “Деятели Черкессии, Абхазии, Имамата, Осетии, иностранцы, помогавшие горцам в войне с Российской империей”. В комментариях разгорелись споры о том, кто настоящий герой, а кто “стяжал чужую славу и не отдался по настоящему правому делу борьбы с захватчиками” (ВКонтакте: История Кавказа). Вот пример обмена мнениями между подписчиками: “Байсангур покончил жизнь самоубийством в 1861 году, а наиб Хаджимурад пал в бою в 1859 году. Шахид ИншаАллагъ и разрубил 17 кяфиров...”, “Хаджимурад менял стороны чаще, чем ты носки, какой он Шахид?... Байсангур Шахид, которого повесили за то, что он пошел до конца, как мужчина и мусульманин” (Там же).

Вообще, в группах размещается много постов о различных участниках Кавказской войны, в основном это наибы Шамиля – представители разных народов, но есть и другие военные деятели. Сам имам Шамиль – это отдельная тема

для словесных баталий. Отношение к нему сильно разнится, и далеко не все считают его героем и главным действующим лицом Кавказской войны. Как пишет В.А. Шнирельман, спорность этого образа проявилась еще во время первой чеченской войны (Шнирельман 2006, 2019). Так, в нескольких группах был выложен фильм 1992 г. “Рай под тенью сабель”, посвященный Шамилю. Вот один из комментариев: “Внатуре, про этого предателя еще и фильм сняли” (ВКонтакте: Кавказ Факты). Шамиль подвергается нападкам по большей части со стороны чеченцев. Осуждают его главным образом за то, что он сдался в плен, а не погиб в борьбе с Российской империей, как должно “истинному предводителю мусульман”. Кроме того, некоторые подписчики, позиционирующие себя правоверными мусульманами-суннитами, не одобряют еще и причастность Шамиля к суфизму: “Суфизм, также как шиизм – зараза!” (ВКонтакте: Кавказ сейчас).

Конфликт памяти вокруг фигуры имама Шамиля разгорелся после интервью, которое Р.А. Кадыров дал в августе 2019 г. новостному portalу “Чечня сегодня”. Характеристика, которую глава Чечни дал Шамилю и его политической и военной деятельности, оказалась весьма нелестной:

В 1840 году имам Дагестана Шамиль со своим отрядом из 400 человек прибыл в Чечню. Восьмого марта в Урус-Мартане провозгласил себя имамом Чечни и Дагестана. С этого дня в течение последующих 20 лет не осталось ни одного села, не сожженного несколько раз, жители Чечни вынуждены были уходить в горы, женщины, дети и старики умирали от холода и голода. Имам Шамиль приказывал казнить любого чеченца, который говорил о мире с Россией, сжигал населенные пункты, заставлял старейшин приносить клятву на Коране, что народ будет вести войну против России. В апреле 1859 года имам Шамиль перебрался из Ведено в Гуниб. Через четыре месяца 26 августа 1859 года имам с почетом сдался России. За годы пребывания Шамиля в Чечне численность чеченского народа сократилась более чем в два раза, а количество мужчин уменьшилось на 70%².

Интервью оказалось очень резонансным, на него отреагировали и читатели portalа, и историки Дагестана, и представители общественности. Многие из них были возмущены подобными высказываниями официального лица в адрес героической для Дагестана личности. Несколько раз после этого Р.А. Кадырову пришлось пояснять свои слова и фактически оправдываться за них в попытке погасить назревающий в публичном пространстве конфликт.

* * *

Д. Бар-Тал предлагает концепцию нарратива, поддерживающего конфликт (*conflict-supporting narrative*). Определяя само понятие “нарратив”, автор пишет, что оно “относится к рассказу о событии или событиях, который имеет сюжет с четкой начальной и конечной точками и обеспечивает последовательную причинно-следственную связь между миром и его событиями и опытом сообщества” (Bar-Tal et al. 2014: 663). И далее:

На коллективном уровне нарративы – это социальные конструкции, которые связаны взаимодействуют с последовательностью исторических и текущих событий; это рассказы о коллективном опыте сообщества, воплощенные в его системе верований и представляющие символически сконструированную общую идентичность коллектива (Ibid.).

О.Ю. Малинова пишет о нарративе следующее:

Исторические нарративы имеют сложно-составную структуру: они складываются из событий-фрагментов, которые могут быть развернуты в самостоятельные сюжетные пове-

ствования. “Объяснение” отдельных фрагментов определяется общей сюжетной линией (при этом одни и те же события могут встраиваться в разные нарративы) (Малинова 2015: 10).

Д. Бар-Тал утверждает, что нарративы, поддерживающие конфликты, играют важную роль не только в их возникновении, но и в их сохранении в разных формах на протяжении длительного времени. Такие нарративы становятся идеологическими основами, служащими призмой, через которую члены сообщества обрабатывают информацию и тем самым поддерживают продолжение конфликта (Bar-Tal et al. 2010).

Поскольку конфликтующие общества обычно разрабатывают противоположные нарративы, поддерживающие конфликт, и поскольку в каждом обществе могут существовать дополнительные контрнарративы, лидеры групп и идеологи изначально пытаются сохранить доминирование своих собственных нарративов среди членов группы, а также прилагают усилия, чтобы убедить другие группы в правдивости своих нарративов (Bar-Tal et al. 2014: 663).

И хотя сам Д. Бар-Тал сосредотачивается в первую очередь на функционировании нарративов на стадии открытого военного конфликта, не можем ли мы рассматривать его концепцию как вполне применимую и к нарративам, актуализирующимся во время других этапов радикализации сообщества? Выделенные мной выше основные моменты дискурса о Кавказской войне могут стать и становятся основой для формирования нарративов, поддерживающих конфликт. Эти нарративы обладают определенными характеристиками, которые могут проявляться как все одновременно, так и в различных комбинациях: 1) оправдание участия в конфликте и хода его развития с одновременной дискредитацией целей другой стороны как необоснованных; 2) очерчивание опасностей, которые конфликт представляет для общества, – угроза физическому существованию, ценностям, идентичности и территории сообщества; 3) делегитимизация, а в ряде случаев демонизация и дегуманизация оппонента, – по сути, отрицание человечности противника – что служит психологическим разрешением для нанесения ему вреда; 4) прославление своего сообщества и героизация его отдельных представителей; 5) представление своего сообщества единственной жертвой конфликта; 6) поощрение патриотизма, национализма и т.д., необходимых чтобы мобилизовать людей для достижения групповых целей, особенно для насильственной конфронтации с соперником, включая готовность принести самую большую жертву – жизнь; 7) подчеркивание важности поддержания единства, игнорирование внутренних распрей и разногласий перед лицом внешней угрозы.

В одном из сообществ мной был найден комментарий, отражающий суть взаимоотношений представителей разных обществ Кавказа в обсуждении Кавказской войны: “Никто не хочет славой делиться, хоть правду напиши, хоть неправду” (Online: ChechenCenter). Сегодня Кавказская война – это некий индикатор: степень и характер участия в ней определяют статус того или иного кавказского народа. Сами горцы часто пишут о том, что для них доблесть – одно из важнейших качеств. Кавказская война оказывается источником доблести, а зачастую и последним аргументом, к которому можно обратиться в любой неблагоприятной для “национальной гордости” ситуации. В пространстве памяти различных сообществ эта война принимает те формы, которые соответствуют их сегодняшним потребностям и самоощущению. “Служит ли социальная память тоталитарному режиму или интересам различных групп демократическо-

го общества, ее ценность и перспективы выживания полностью зависят от ее функциональной эффективности: содержание этой памяти меняется в соответствии с контекстом и приоритетами” (Репина 2005: 158). Кавказская война может быть отправной точкой и в прошлое, и в будущее. Первый путь уводит к дебатам о происхождении и историческом характере того или иного народа, в этих рассуждениях, собственно, и определяются особенности его участия в Кавказской войне (Шнирельман 2006). Второй путь ведет к спорам о современных конфликтах различного масштаба на Кавказе – от локальных столкновений в пределах одного городского района до, например, войны в Чечне. На самом деле комментарии о Кавказской войне далеко не всегда сопутствуют постам о ней. Часто отсылки к этому событию оказываются там, где разговор касается конфликта интересов современных кавказских сообществ или же сегодняшней политики федерального центра относительно республик Кавказа.

Несмотря на все споры о том, какой народ достойнее показал себя во время Кавказской войны, множество людей пишут, что память о ней должна объединять, а не разделять кавказские народы: “К большому сожалению, мы не пришли до сих пор к выводу о том, что нам всем нужно быть вместе, по этой причине мы будем получать то, что заслуживаем” (ВКонтакте: Кавказ сейчас). Часто авторы комментариев используют по отношению друг к другу обращение “брат”: “В этом и есть наша беда и наша глупость. Так было всегда, брат, никому не выгодно наше единство” (ВКонтакте: Кавказ Факты). Ежегодно 21 мая в группах публикуются посты в честь годовщины окончания Кавказской войны. Все они схожи между собой и имеют заголовки типа “Скорбная дата”, “Помним и скорбим” и т.п. Комментарии под ними обычно не содержат никаких споров и разногласий: “Братский поступок (по поводу траурного шествия в день окончания войны. – В.Т.), поддержка и солидарность”, “Кавказ един!”, “Солидарность – это хорошо” (ВКонтакте: Черкесский ренессанс, История Кавказа, Кавказ Факты).

Очевидно, что тема Кавказской войны может нести в себе объединяющий потенциал для кавказских народов. Но также очевидно, что единение это зиждется на принципе “против кого дружите”, а дружат в данном случае против России. Что понимается под “Россией”? – это вопрос, требующий отдельного разъяснения. Вот хороший пример комментария, который был крайне одобрительно встречен подписчиками:

Цель таких мракобесов как вы – чтобы народы Кавказа оставались разрозненными и поработенными, находясь под прямой оккупацией русского кяфира, постоянно выпячиваясь, споря и конфликтуя между собой, решая, какой народ круче, какой народ более мусульманский, чем остальные, и кто кого предал в русско-кавказских войнах. Вот она политика “разделяй и властвуй” как работает. Но люди не хотят этого понимать!

Согласно Л.-Э. Сидерману, мобилизация сообществ для участия в действиях радикального характера возможна в том числе путем актуализации существующих коллективных обид, которые могут находиться не только в поле актуальных экономических и политических претензий, но и в символическом поле социальной памяти (Cederman et al. 2013). Любую память можно инструментализировать. Любая травматическая память имеет потенциал, который может быть использован в процессе радикализации того или иного сообщества. Хотя, конечно, конфликтный потенциал реализуется не везде и не во всех случаях.

Благодарности

Статья подготовлена на основе доклада, представленного 24 марта 2021 г. на научной сессии “Актуальная историко-культурная и этническая тематика в учебно-научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа”. Организаторы научной сессии: Научный совет РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, Центр этнополитических исследований и отдел Кавказа ИЭА РАН.

Примечания

¹ Используемые в данной статье цитаты взяты мной из публикаций и обсуждений, размещенных в сообществах в 2018–2021 гг.:

История Кавказа. https://vk.com/istoria_kavkaza

Кавказ сейчас. https://vk.com/caucasus_now

Кавказ Факты. https://vk.com/kvz_fact

Новости Кавказа. <https://vk.com/kavkazws>

Черкесский ренессанс. https://vk.com/circassian_renaissance

Inforce. <https://vk.com/vkinforce>

Online: Северный Кавказ. <https://tinyurl.com/mpfnmx2v>

Online: ChechenCenter. <https://tinyurl.com/4yy7yd72>

1Adat. <https://t.me/IADAT>

² “Пора говорить правду”: Рамзан Кадыров о ботлихских событиях и имаме Шамиле. Чечня сегодня. 07 августа 2019. <https://chechnyatoday.com/news/328448>

Источники и материалы

Козловская б.г. – Козловская А. Цифровая этнография. Тьюториал Ани Щетвиной и Полины Колозариди с обзором литературы от Елены Соколовой // Клуб любителей интернета и общества. http://clubforinternet.net/school_18/ethnography?fbclid=IwAR3PNhYUV6eCeAftwf8HLiKIN5q22wRhmcPDCe_hjN6LbFKeG9YPUJDyOKQ

Утехин б.г. – Утехин И. Цифровая антропология. Четвертый урок. <http://clubforinternet.net/school/lesson4?fbclid=IwAR1koKIJGdxclEwKpYZnm30wQ0LJPRcMvyzRh8phvLLJdMRL6lStKoBGrM>

Почепцов 2018 – Почепцов Г. Как операции влияния, массовая культура и социальная выстраивают новую реальность. 2018. https://www.researchgate.net/publication/324783973_Kak_operacii_vliania_massovaa_kultura_i_socmedia_vystraivaut_novuu_realnost_How_influence_operations_mass_culture_and_social_media_build_a_new_reality

Почепцов 2019 – Почепцов Г. Уход медиа из информационного пространства в виртуальное. 2019. <https://ms.detector.media/mediaanalitika/post/23801/2019-11-17-ukhod-medya-iz-informatsionnogo-prostranstva-v-virtualnoe>

Почепцов 2020 – Почепцов Г. Миры создаются и разрушаются в наших головах или как трансформации коммуникаций изменяют человечество. 2020. https://www.researchgate.net/publication/339031172_MIRY_SOZDAUTSA_I_RAZRUSAUTSA_V_NASHI_GOLOVAH_ili_KAK_TRANSFORMACII_KOMMUNIKACIJ_IZMENAUT_CELOVECESTVO

Haidt, Rose-Stockwell 2019 – Haidt J., Rose-Stockwell T. The Dark Psychology of Social Networks // The Atlantic. December 2019. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/12/social-media-democracy/600763>

Научная литература

- Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З.* Битва за Чечню. “Война историографий”, или информационная война. Грозный: Грозненский рабочий, 2015.
- Александр Д.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
- Арчаков М.К.* Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия. Дис. ... докт. полит. наук. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, 2016.
- Волкан В., Оболонский А.* Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 31–48.
- Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Зинченко Ю.П., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.* Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 98–111.
- Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015.
- Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / Ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–169.
- Урушадзе А.Т.* Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель // Журнал фронтирных исследований. 2020а. № 4. С. 127–151. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.251>
- Урушадзе А.Т.* Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020б. С. 250–278.
- Хаттон П.Х.* История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛЮ, 2006.
- Шнирельман В.А.* Социальная память – вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / Ред. В.А. Тишков, Е.А. Пивнева. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 12–34.
- Шнирельман В.А.* Бунт социальной памяти: чеченцы и ингуши против советских историков // Сборник научных трудов Академии наук ЧР и КНИИ РАН. Вып. 8 / Ред. С.А. Гапурова, Д.К.-С. Батаева. Грозный: АН ЧР, 2019. С. 243–271.
- Bar-Tal D., Halperin E., Oren N.* Socio-Psychological Barriers to Peace Making: The Case of the Israeli Jewish Society // Social Issues and Policy Review. 2010. Vol. 4 (1). P. 63–109.
- Bar-Tal D., Nets-Zehngut R., Oren N.* Sociopsychological Analysis of Conflict-Supporting Narratives: A General Framework // Journal of Peace Research. 2014. Vol. 51 (5). P. 662–675.
- Cederman L.-E., Gleditsch K.S., Buhaug H.* Inequality, Grievances, and Civil War. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- della Porta D.* Radicalization: A Relational Perspective // Annual Review of Political Science. 2018. No. 21. P. 461–474.
- Goodwin J.* Review Essays: What Must We Explain to Explain Terrorism? //

- Social Movement Studies. 2004. Vol. 3. P. 259–265. <https://doi.org/10.1080/1474283042000266155>
- Hegghammer T. Terrorist Recruitment and Radicalization in Saudi Arabia // Middle East Policy. 2006. Vol. 13 (4). P. 39–60.
- Kalyvas S.N. The Logic of Violence in Civil War. N.Y.: Cambridge University Press, 2006.
- McCauley C., Moskaleiko S. Friction: How Radicalisation Happens to Them and Us. Oxford, UK: Oxford University Press, 2008.
- Pentland A. Social Physics: How Good Ideas Spread: The Lessons from a New Science. N.Y.: Penguin Press, 2014.
- Sageman M. Understanding Terror Networks. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.
- Sageman M. Leaderless Jihad. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.
- Shnirelman A. A Revolt of Social Memory: The Chechens and Ingush against the Soviet Historians // Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds / Eds. O. Ieda, T. Uyama. Sapporo: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2006. P. 273–307. http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no10_ses/10_shnirelman.pdf
- Wiktorowicz Q. Islamic Activism and Social Movement Theory // Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach / Ed. Q. Wiktorowicz. Bloomington: Indiana University Press, 2004. P. 1–33.

Research Article

Tanaylova, V.A. The “Medals not to be Proud of...”: Memory of the Caucasian War in Social Media [“Medali, kotorymi nel’zia gordit’sia...”: pamiat’ o Kavkazskoi voine v sotsial’nykh setiakh]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 1, pp. 67–83. <https://doi.org/10.31857/S0869541523010050> EDN PMKYIK ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Valentina Tanaylova | <http://orcid.org/0000-0002-2872-8461> | v.tanaylova@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Caucasian War, memory of Caucasian War, instrumentalisation of memory, traumatic memory, memory in social media, radicalisation

Abstract

The article examines the memory of the Caucasian War in the space of social media (VKontakte, Telegram, etc.) and the possibilities of its use as a symbolic resource in the process of radicalisation of local Caucasian societies. The total number of subscribers to the communities, channels, and pages studied is around 300,000 people. The conceptual basis of the paper is the relational approach to the concept of radicalisation. In addition, I consider memory as one of the symbolic resources that determine the process of radicalisation of a particular community, and refer to researchers such as L.-E. Cederman, J. Goodwin, and M. Sageman. The article examines not just the memory of the Caucasian War represented in the field of social media, but the several national images of the Caucasian War that have emerged in this field.

References

- Abdurahmanov, D.B., and Y.Z. Ahmadov. 2015. *Bitva za Chechniu. "Voina istoriografii" ili informatsionnaia voina* [The Battle for Chechnya: The "War of Historiographies" or Information Warfare]. Groznyi: Groznenskii rabochii.
- Alexander, J. 2012. Kul'turnaia travma i kollektivnaia identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sociologicheskii zhurnal* 3: 6–40.
- Archakov, M.K. 2016. Politicheskii ekstremizm v Rossii: sushchnost', proiavleniia, mery protivodeistviia [Political Extremism in Russia: Essence, Manifestations, Countermeasures]. PhD diss., Ural Federal University.
- Bar-Tal, D., E. Halperin, and N. Oren. 2010. Socio-Psychological Barriers to Peace Making: The Case of the Israeli Jewish Society. *Social Issues and Policy Review* 4 (1): 63–109.
- Bar-Tal, D., R. Nets-Zehngut, and N. Oren. 2014. Sociopsychological Analysis of Conflict-Supporting Narratives: A General Framework. *Journal of Peace Research* 51 (5): 662–675.
- Cederman, L.-E., K. Skrede Gleditsch, and H. Buhaug. 2013. *Inequality, Grievances, and Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- della Porta, D. 2018. Radicalization: A Relational Perspective. *Annual Review of Political Science* 21: 461–474.
- Gene, B. 2002. *Istoriia i istoricheskaia kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and Historical Culture of the Medieval West]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Goodwin, J. 2004. Review Essays: What Must We Explain to Explain Terrorism? *Social Movement Studies* 3: 259–265. <https://doi.org/10.1080/1474283042000266155>
- Hutton, P.H. 2004. *Istoriia kak iskusstvo pamiati* [History as the Art of Memory]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Hegghammer, T. 2006. Terrorist Recruitment and Radicalization in Saudi Arabia. *Middle East Policy* 13 (4): 39–60.
- Kalyvas, N. 2006. *Stathis The Logic of Violence in Civil War*. New York: Cambridge University Press.
- Malinova, O.Y. 2015. *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaiia politika vlastvuiushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [The Actual Past: The Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity]. Moscow: POSSPEN.
- McCauley, C., and S. Moskalenko. 2008. *Friction: How Radicalisation Happens to Them and Us*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Repina, L.P. 2005. Kontseptsii social'noi i kul'turnoi pamiati v sovremennoi istoriografii [Concepts of Social and Cultural Memory in Contemporary Historiography]. In *Fenomen proshlogo* [A Phenomenon of the Past], edited by I.M. Savelieva and A.V. Poletaev, 122–169. Moscow: Izdatel'skii dom GU VShE.
- Sageman, M. 2004. *Understanding Terror Networks*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Sageman, M. 2008. *Leaderless Jihad*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Shnirelman, V.A. 2006. *Byt' alanami: intelektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20 Century]. Moscow: NLO.
- Shnirelman, V.A. 2006. A Revolt of Social Memory: The Chechens and Ingush against the Soviet Historians. In *Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds*, edited by O. Ieda and T. Uyama: 273–307. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University.
- Shnirelman, V.A. 2018. Sotsial'naia pamiat' – voprosy teorii [Social Memory –

- Questions of Theory]. In *Istoricheskaja pamyat' i rossiiskaia identichnost'* [Historical Memory and Russian Identity], edited by V.A. Tishkov and E.A. Pivneva, 12–34. Moscow: IEA RAN.
- Shnirelman, V.A. 2019. Bunt social'noi pamiati: chechentsy i ingushi protiv sovetskikh istorikov [Rebellion of Social Memory: Chechens and Ingush against Soviet Historians]. *Sbornik nauchnykh trudov Akademii nauk ChR I KNII RAN* [Proceedings of the Academy of Sciences of the ChR and CSRI RAS], edited by S.A. Gapurova and D.K.-S. Bataeva, 8: 243–271. Groznyi: AN ChR.
- Pentland, A. 2014. *Social Physics: How Good Ideas Spread: The Lessons from a New Science*. New York: Penguin Press.
- Urushadze, A.T. 2015. Gorets na russkoi sluzhbe v gody Kavkazskoi voyny (1801–1864 gg.): posrednik, marginal, predatel' [Gorets in the Russian Service during the Caucasian War (1801–1864): Mediator, Marginal, Traitor]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* 4: 127–151. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.251>
- Urushadze, A.T. 2020. Pamyat' poluraspada: Kavkazskaya voina v etnicheskikh kommemoratsiyakh i bol'shom narrative [The Memory of Half-Life: The Caucasian War in Ethnic Commemorations and the Big Narrative]. In *Politika pamiati v sovremennoi Rossii i stranah Vostochnoi Evropy: Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe: Actors, Institutions, and Narratives], edited by A.I. Miller and D.V. Efremenko, 250–278. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Volkan, V., and A. Obolonskii. 1992. Natsional'nye problemy glazami psihoanalitika s politologicheskim kommentariem [National Problems through the Eyes of a Psychoanalyst with Political Science Commentary]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 6: 31–48.
- Wiktorowicz, Q. 2004. Islamic Activism and Social Movement Theory. In *Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach*, edited by Q. Wiktorowicz, 1–33. Bloomington: Indiana University Press.
- Zinchenko, Y.P., G.U. Soldatova, and L.A. Shaigerova. 2011. Terroristicheskii akt kak ekstremal'naya situatsiya v obshchestve riskov [An Act of Terrorism as an Extreme Situation in a Risk Society]. *Natsional'nyi psichologicheskii zhurnal* 2 (6): 98–111.